

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

НАПОЛЕОН, КРАХ ИМПЕРАТОРА

ИСТОРИЯ О ЧЕТЫРЕХ ДНЯХ, ТРЕХ АРМИЯХ И ТРЕХ СРАЖЕНИЯХ,
ОПРЕДЕЛИВШИХ СУДЬБЫ ЕВРОПЫ

Бернард Корнуэлл

**Наполеон, крах императора.
История о четырех днях, трех
армиях и трех сражениях,
определивших судьбы Европы**

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 94(4)"1492/1914"
ББК 63.3(4)5

Корнуэлл Б.

Наполеон, крах императора. История о четырех днях, трех армиях и трех сражениях, определивших судьбы Европы / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 2014

ISBN 978-5-389-21561-0

Наполеоновские войны — это один из самых знаменитых периодов в европейской истории и одно из ключевых событий, определивших судьбы многих народов. В ходе их Наполеон Бонапарт завоевал половину мира — и потерял все. Потерпев поражение в Войне шестой коалиции, он отрекся от престола и отправился в ссылку, однако история Бонапарта на этом не закончилась. 18 июня 1815 года армии нескольких стран сошлись под небольшим городком неподалеку от Брюсселя, Ватерлоо. Во главе войск союзников стоял герцог Веллингтон — полководец, не проигравший на тот момент ни одного сражения. Во главе французских войск — Наполеон Бонапарт. Ссылный император, бежавший с острова Эльба. Великий стратег. Человек, изменивший историю. Его жизнь нашла отражение в огромном количестве исторических исследований, художественных произведений, фильмов, телесериалов. Ватерлоо — его последний шанс. Наполеону Бонапарту потребовалось сто дней, чтобы вернуться к власти и вновь ее лишиться. Битва при Ватерлоо стала решающей для императора, для Франции и, несомненно, для Европы. Автор разворачивает перед читателем панораму событий и показывает войну во всей ее грязи, жестокости и бесчеловечности. На основе большого количества документальных материалов Бернард Корнуэлл восстанавливает судьбу Наполеона на протяжении Ста дней, подготовку к военной кампании, хронику сражений при Катр-Бра, Линьи и Ватерлоо и политические последствия, которые они имели. Ранее книга издавалась в серии «История войн и военного искусства» под заголовком «Ватерлоо: История битвы, определившей судьбу Европы». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)"1492/1914"

ББК 63.3(4)5

ISBN 978-5-389-21561-0

© Корнуэлл Б., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Предисловие	8
Введение	10
Ватерлоо	13
1. «Славные вести! Нап снова высадился во Франции, ура!»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бернард Корнуэлл

Наполеон, крах императора. История о четырех днях, трех армиях и трех сражениях, определивших судьбы Европы

Посвящается Уиллу и Энн Кливленд

Bernard Cornwell
WATERLOO
The History of Four Days, Three Armies and Three Battles

Перевод опубликован с согласия David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC

© Bernard Cornwell, 2014
© Martin Brown, maps
© Летберг И. О., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

* * *

Исследование событий, приведших к битве при Ватерлоо, и блистательное описание хода сражения и его результатов – все это захватывает сильнее, чем самый увлекательный и закрученный исторический роман.
Wall Street Journal

Благодаря ясному изложению материала запутанный ход сражений предстает таким, за которым легко следить, а следовательно, читатели получают возможность лучше понять и оценить происходившее в те дни.
Library Journal

Великая, полная драматизма история, рассказанная писателем, который глубоко понимает людей, находящихся на поле боя, их мотивы, устремления и логику принимаемых ими решений.
The Economist

История битвы при Ватерлоо, рассказанная настоящим мастером создания увлекательной прозы.
Shelf Awareness

В своей первой научно-популярной книге известный исторический романист мастерски использует талант рассказчика, чтобы вывести военную историю со страниц учебника... Увлекательное и подробное описание битвы, изменившей судьбу Европы XIX века.
Kirkus Reviews

Рассказ о наступлении армий, победах и поражениях их лидеров, не говоря уже о захватывающих сражениях, обладает привлекательным ритмом и темпом.

The Times

Многие историки могли бы извлечь уроки из подхода автора этой книги. Он создает сцену, обрисовывает главных героев и позволяет повествованию динамично разворачиваться до драматического завершения. Превосходное доказательство, что первоклассный нон-фикшн по накалу и увлекательности не отличается от художественной литературы.

Evening Standard

Предисловие

Зачем нужна еще одна книга про Ватерлоо? Хороший вопрос. Отчетов о Ватерлоо хватает, это, видимо, одно из самых изученных и хорошо описанных сражений в истории. К окончанию того ужасного июньского дня в 1815 году каждый из участников побоища знал, что пережил нечто значительное, так что появились сотни мемуаров и писем, рассказывавших о произошедшем. Сам герцог Веллингтон совершенно верно заметил, что история баталии напоминает историю бала. Каждый участник вспоминает бал по-своему: кто-то счастлив, кто-то разочарован, да и как в вихре музыки, нарядов и флирта можно составить единый отчет, что, когда и с кем произошло? А Ватерлоо стало решающим событием начала XIX века, и с тех пор множество мужчин и женщин пытаются составить единый рассказ о нем.

Вот общепризнанная часть истории. Наполеон напал на правый фланг Веллингтона, пытаясь отвлечь резервы герцога на эту часть поля, затем предпринял массированную атаку на левый фланг. Атака не удалась. Действие второе: знаменитая кавалерийская атака на правую часть центра герцога. И действие третье, когда из левой кулисы появляется прусская армия – последнее отчаянное наступление Императорской гвардии. К этому следует добавить сюжетные линии атаки на Угумон и падения Ла-Э-Сент. Такова общая схема, но ведь картина сражения в целом куда сложнее. Тем, кто был там, она не казалась ни ясной, ни простой, и вот одна из причин написать эту книгу – постараться представить, как видел события человек, оказавшийся на поле боя в тот смутный день.

Пережившие эту неразбериху были бы, наверное, крайне удивлены мнением, что Ватерлоо не было таким уж важным сражением, что если бы Наполеон его выиграл, то в дальнейшем он столкнулся бы с превосходящими силами противников и все равно пришел бы к поражению. Может, и так, но с определенностью этого сказать нельзя. Если бы император взял гребень Мон-Сен-Жан и обратил Веллингтона в бегство, ему все-таки предстояло управиться с могучими армиями Пруссии и России, которые уже шли во Францию. Этого не произошло. Наполеона остановили в Ватерлоо, что и придает такую важность этой битве. Она стала поворотной точкой в истории, и аргумент, что история все равно пошла бы по этому пути, не умаляет значения момента. Иные битвы ничего не изменили. Ватерлоо изменило почти всё.

Военная история может быть весьма запутанной. Римская нумерация (IV корпус) мешается с арабской (3-я див.). От таких обозначений у человека штатского может двоиться в глазах. Я постарался не наводить большой путаницы, но кое в чем ее усугубил, используя слова «полк» и «батальон» как синонимы, хотя очевидно, что это разные понятия. Полк был административной единицей британской армии. Некоторые полки состояли из одного батальона, большинство из двух, а меньшинство – из трех и даже более, но крайне редко два батальона одного и того же полка воевали рядом в одной и той же кампании. При Ватерлоо отмечены только два таких полка. 1-й пехотный полк участвовал в этой битве 2-м и 3-м батальонами, а 95-й стрелковый был представлен тремя батальонами. От всех остальных полков присутствовало только по одному батальону, поэтому, если я упоминаю 52-й полк, я имею в виду 1-й батальон этого полка. Иногда для ясности я пользуюсь словом «гвардейцы», хотя в 1815 году солдат британской гвардии еще именовали «рядовыми».

Все три армии при Ватерлоо делились на корпуса, так что и британо-голландская, и прусская армия разделялись на три корпуса. Французскую же составляли четыре, потому что Императорская гвардия хоть и не называлась корпусом, но по существу им и была. Корпус состоял из 10 000–30 000 человек или более, и его можно назвать независимой военной силой, способной применять кавалерию, пехоту и артиллерию. Корпус, в свою очередь, подразделялся на дивизии, таким образом, 1-й корпус французской армии подразделялся на четыре пехотные дивизии, от 4000 до 5000 человек каждая, и одну кавалерийскую дивизию, чуть более 1000 человек. Каждая дивизия имела свою артиллерию для огневой поддержки. Далее, дивизия могла делиться на бригады, например, 2-я пехотная дивизия 1-го корпуса французской армии состояла из двух бригад – одна из семи батальонов, остальные – из шести. Батальоны подразделялись на роты. Французский батальон состоял из шести рот, британский – из десяти. Чаще всего в этой книге упоминаются батальоны (которые иногда названы полками). Самый крупный британский пехотный батальон при Ватерлоо насчитывал свыше 1000 человек, но средний батальон во всех трех армиях составлял около 500. Если вкратце, то иерархия была такой: армия, корпус, дивизия, бригада, батальон, рота.

Некоторых читателей может оскорбить выражение «английская армия», когда понятно, что речь идет о британской армии. Я использовал название «английская армия» только при отсылках к оригинальным источникам, предпочитая не переводить слово *anglais* как «британский». Как таковой английской армии не существовало, но в начале XIX века это выражение было общепринятым.

Сражения 16 июня и 18 июня 1815 года – прекрасный материал для рассказа. Нечасто история одаривает авторов исторических романов чистым сюжетом с яркими персонажами, которые действуют в определенном отрезке времени, так что нам приходится манипулировать историей, создавая собственную сюжетную канву. Впрочем, когда я писал «Ватерлоо Шарпа», изобретенный мною сюжет почти целиком был захвачен и унесен рассказом о великой битве, потому что величие этой истории не только в ее действующих лицах, но и в образах самой битвы. Это – ожидание развязки на последней странице. Сколько бы я ни читал материалов о событиях того дня, его окончание всегда полно неожиданности и волнения. Непобедимая Императорская гвардия взбирается на гребень, где ждут войска Веллингтона, измотанные почти до предела. С востока прусские части вгрызаются Наполеону в правый фланг, но если гвардия опрокинет солдат Веллингтона, то у императора хватит времени развернуться против прибывающих войск Блюхера. Это почти самый длинный день в году, и оставшихся двух часов светового дня достаточно, чтобы уничтожить армию или даже две. И пусть нам известно, чем все закончится, всякий хороший рассказ интересно послушать снова.

Так что вот он – рассказ о сражении.

Введение

Летом 1814 года его светлость герцог Веллингтон держал путь из Лондона в Париж, дабы принять назначение на должность британского посла при новом короле Людовике XVIII. Возможно, он хотел добраться коротким путем из Лувра в Кале, но вместо того бриг Королевского флота Griffon доставил его по Северному морю в город Берген-оп-Зом. Герцог посетил недавно созданное Королевство Нидерланды, неуклюжее новообразование – полуфранцузское, полуголландское, наполовину католическое, наполовину протестантское, – расположенное к северу от Франции. Британские войска служили в новом государстве гарантом его существования, и герцога попросили проинспектировать укрепления вдоль французской границы. Герцога сопровождал Тоший Билли, также известный под прозвищем Лягушонок, – 23-летний принц Виллем, ставший кронпринцем нового королевства, которого считали способным в военном деле, поскольку он служил у герцога во время Пиренейских войн. Герцог две недели объезжал укрепления, в нескольких городах посоветовал привести их в порядок, но вряд ли всерьез помышлял о новой войне с Францией.

В конце концов Наполеон был разгромлен и изгнан на остров Эльба в Средиземном море. Во Франции вновь установилась монархия. Войны утихли, а в Вене дипломаты ковали мирный договор, который установит в Европе такие границы, чтобы новая война не грозила континенту.

А Европа была разорена. Отречение Наполеона положило конец войне длиной в 21 год, начавшейся с Французской революции. Монархии – старые режимы Европы – устрашились событий во Франции, участи казненных Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Боясь, как бы революционные идеи не прижились в их странах, государи развязали войну.

Они ожидали легкой победы над оборванным воинством революционной Франции, но вместо того разгорелась мировая война, спалившая и Вашингтон, и Москву. Воевали в Индии, Палестине, Вест-Индии, Египте и Южной Америке, но Европа пострадала больше всех. Франция выдержала первый удар, и из хаоса революции явился гений, вождь – император. Армии Наполеона рассеялись по Пруссии, Австрии, России, они прошли от Балтики до южного побе-

режья Испании, а бестолковые братья императора расселись на половине тронов Европы. Погибли миллионы, но вот, спустя два десятка лет, все закончилось. Вождь был заточен.

Наполеон повелевал всей Европой, но у него оставался враг, с которым он ни разу не бился, которого он ни разу не побил, – герцог Веллингтон, славой полководца уступавший только Наполеону. Урожденный Артур Уэсли, он был четвертым сыном графа и графини Морнингтон. Семейство Уэсли принадлежало к англо-ирландской аристократии, и Артур изрядную часть юности провел на родине, в Ирландии. Учился он в основном в Итоне, но там ему не понравилось. Его мать Анна в отчаянии жаловалась: «Не знаю, что и делать с моим непутевым сыном Артуром!» В результате, как многие младшие сыновья знатного рода, он был отправлен служить в армию. Так началась его удивительная карьера, где непутевый Артур выказал способности к военной службе. Армия заметила его и воздала по заслугам. Вначале Артура командировали в Индию, где он одержал несколько блестящих побед. Затем вернули в Британию и доверили небольшую экспедиционную армию, которой была поставлена задача не позволить Франции занять Португалию. Эта небольшая армия выросла в могучую боевую единицу, которая освободила Португалию и Испанию и вошла в Южную Францию. Она одерживала одну победу за другой. Артур Уэсли (семейство изменило фамилию с Уэсли) стал герцогом Веллингтоном и был признан одним из величайших полководцев эпохи. Александр I, русский император, назвал его *le vainqueur du vainqueur du monde*, победителем победителя мира. А «победитель мира» – это, конечно, Наполеон. И за 21 год войны герцог Веллингтон и император Наполеон ни разу не сошлись друг с другом.

Герцога постоянно сравнивали с Наполеоном, но, когда в 1814 году его спросили, жалеет ли он о том, что ни разу не встретился с императором в бою, тот ответил: «Нет, я очень рад этому». Он презирал Наполеона-человека, но восхищался Наполеоном-полководцем, учитывая, что «вес» Бонапарта, вышедшего на поле боя, достигал добрых 40 000 человек. В отличие от Наполеона, герцог не проиграл ни одного сражения, но встреча с императором вполне могла опровергнуть этот выдающийся рекорд.

Словом, если в то лето 1814 года герцог думал, что дни сражений миновали, его можно за это простить. Он знал, что хорош в бою, но, в отличие от Наполеона, никогда не получал удовольствия от сражений. Война для него была досадной необходимостью. Если требовалось драться, он дрался хорошо и с толком, но целью войны видел мир. Теперь он был дипломат, а не генерал, но привычка – вторая натура, и, путешествуя по Королевству Нидерланды, герцог то и дело примечал места, «пригодные для боевых позиций». Одним из таких местечек оказалась долина, на взгляд большинства, пригодная скорее для фермерского хозяйства. Впрочем, глаз герцога был достаточно наметан, чтобы оценить, как склоны и долины, ручьи и рощи могут помочь или помешать командовать войсками, и чем-то эта долина к югу от Брюсселя привлекла его внимание.

Долина оказалась широкой, с крутыми склонами по краям. Маленькая придорожная таверна под названием *La Belle Alliance* («Прекрасное содружество») расположилась на гребне, ограничивающем долину с юга, значительно более высоком, чем самая высокая, 30-метровая часть северного гребня – около 100 метров выше дна долины, причем склон крутой на всем протяжении. Два гребня не вполне параллельны, кое-где подходят один к другому довольно близко. В месте, где долину пересекает дорога на север, расстояние от края до края составляет всего около километра. Это километр доброй, плодородной земли, и во времена, когда герцог посетил долину, летом 1814 года, по обе стороны дороги, вероятно, стояла высокая рожь, а по дороге шли возы из шахт возле Шарлеруа и везли уголь для очагов Брюсселя.

Но герцог заметил еще кое-что. Эта дорога была одним из основных путей из Франции в Брюссель, так что в случае новой войны могла послужить врагу для вторжения. Тогда французская армия пойдет по дороге на север, пересечет южный гребень возле таверны и увидит перед собой широкую долину, а также и северный гребень. Впрочем, гребень – сильно сказано.

Солдаты увидят дорогу, которая проходит через долину и поднимается к северному возвышению, посреди фермерского хозяйства. Если представить, что гребень – это стена, то ей потребуются три бастиона. На востоке виднелась деревня с каменными домами, сгрудившимися вокруг церкви. Если эти здания и прилежащие фермерские постройки занять войсками, то выбить их оттуда будет чертовски трудно. Позади каменных построек местность была рельефнее, холмы – круче, долины – глубже, для военных маневров места оставалось меньше, так что деревня становилась чем-то вроде крепости с восточного края гребня. В центре гребня, на середине склона расположилась ферма под названием Ла-Э-Сент. Это основательное каменное сооружение, жилой дом, амбары и двор обнесены высокой каменной стеной. Ла-Э-Сент защищала от наступления противника по дороге, а на западе находилась усадьба Угумон – крупное строение и сад, огороженные стеной. Так северный гребень превращался в заграждение с тремя выносными бастионами: деревней, фермой и усадьбой. Теперь представим, что армия выступает из Франции и, к примеру, хочет занять Брюссель. Тогда гребень и эти бастионы встанут у нее на пути. Врагу остается либо взять бастионы, либо пройти мимо, но, пройдя мимо, войска во время штурма гребня окажутся зажаты между бастионами и попадут под перекрестный обстрел.

Нападающие увидят гребень и бастионы, но гораздо важнее в данном случае то, чего они не увидят, – то, что находится за гранью северного гребня. Видны будут лишь верхушки деревьев, растущих по ту сторону гребня, а все, что лежит у подножия деревьев, окажется скрыто от глаз, поэтому атакующие не будут знать, что творится на северном склоне. Перебрасывают ли защитники подкрепление с одного фланга на другой? Готовятся ли там к атаке? Прячется ли в засаде кавалерия? Гребень был невысок, но склоны его круты, и он прекрасно вводил в заблуждение, давая огромное преимущество защитникам. Конечно, враг мог оказаться не так любезен, чтобы пойти в обычную лобовую атаку. Он мог попытаться обойти гребень с западного фланга, где местность более плоская. Тем не менее герцог взял это место на заметку. Почему? Тогда он знал – да и любой европеец знал, – что войны закончились. Наполеон изгнан, дипломаты сочиняют в Вене мирный договор, но герцог все-таки берет на заметку место, в котором армии, идущей из Франции на Брюссель, небо с овчинку покажется. Это не единственный путь, где может пройти наступающая армия, и не единственная оборонительная позиция, которую заметил герцог за две недели командировки, но этот гребень и эти бастионы стояли как раз поперек возможного пути вторжения французской армии.

Герцог поехал дальше, миновал Ла-Э-Сент и увидел перекресток дорог на самом гребне, а за ним – небольшую деревню. Если бы герцог спросил, как называется это место, то ему могли ответить: «Мон-Сен-Жан», и это немного забавно, потому что гора Святого Иоанна выглядела скромным бугорком посреди полей ячменя, пшеницы и ржи. К северу от деревни дорога терялась в обширном Суаньском лесу, а на расстоянии трех километров по дороге отыскалось еще одно непримечательное место, хотя и с добротной церковью и с рядом харчевен для усталых и жаждущих путников. В 1814 году в этом городке не жило и двух тысяч человек, да за годы войны город потерял не менее 20 парней. Все они сражались за Францию, поскольку город находился во франкоязычной части Бельгии.

Нам неизвестно, останавливался ли герцог в 1814 году в том городке. Мы не знаем, обратил ли Веллингтон внимание на гору Святого Иоанна или на близлежащий городок с его церковью и россыпью трактиров. Запомнил ли он это место?

Придет время, и он уже не сможет его забыть.

Этот городок называется Ватерлоо.

Ватерлоо

1. «Славные вести! Нап снова высадился во Франции, ура!»

«Мой остров не слишком велик», – заявил Наполеон, оказавшись правителем Эльбы, крошечного острова между Корсикой и Италией. Прежде он был императором Франции, 44 миллиона человек находились под его властью, но теперь, в 1814 году, располагал только площадью в 222 квадратных километра да подданными в количестве 11 000 человек. Однако правителем он оказался хорошим и, едва прибыв, принялся издавать один за другим законы, чтобы преобразовать добывающую промышленность и сельское хозяйство острова. Ничто не ускользало от взора правителя. «Сообщите интенданту, – писал он, – о моем недовольстве скверным состоянием улиц».

Но его планы простирались далеко за пределы уборки улиц. Он хотел выстроить новую больницу, новые школы, новые дороги, однако на все это вечно не хватало денег. Французское государство вновь стало монархическим, оно согласилось выплачивать Наполеону субсидию в два миллиона франков в год. Вскоре стало понятно, что этих денег не дадут никогда, а без денег не строились ни больницы, ни дороги, ни школы. Раздосадованный Наполеон надулся и целыми днями играл в карты с прислугой, а британские и французские корабли все это время стерегли побережье острова, не позволяя правителю покинуть его лилипутское королевство.

Император хандрил. Он скучал по жене и сыну. Он скучал и по Жозефине, когда весть о ее смерти достигла острова Эльба, он был безутешен. Бедная Жозефина с ее черными зубами, томными манерами и гибким телом! Эту женщину боготворил каждый, кто с ней встречался, она была неверна Наполеону, но всякий раз он прощал ее. Он любил ее, хотя ради продолжения династии был вынужден с ней развестись. «Не проходило и дня, чтобы я не любил тебя, – писал он ей после смерти, как будто бы она была жива. – Не проходило ночи, чтобы я не обнимал тебя... Ни одну женщину еще не любили так преданно!»

Он хандрил и злился. Злился на Людовика XVIII, не платившего денег, негодовал на Талейрана, когда-то бывшего его министром иностранных дел, который теперь служил французской монархии на Венском конгрессе. Талейран – хитрый, умный, двуличный – предупредил других европейских депутатов, что на средиземноморском островке, так близко к берегам Франции, император всегда будет представлять опасность. Ему хотелось, чтобы императора отослали куда-нибудь подальше, скажем, на Азорские острова, а еще лучше – на какой-нибудь остров в Вест-Индии, где свирепствует желтая лихорадка. Или вовсе на клочок суши в дальнем океане вроде острова Святой Елены.

Талейран был прав, а вот британский уполномоченный, отправленный на остров Эльба приглядывать за императором, ошибся. Сэр Нил Кэмпбелл считал, что Наполеон смирился со своей участью, и даже написал об этом лорду Каслри, британскому министру иностранных дел. «Я начинаю думать, – писал Кэмпбелл, – что он уже вполне признал свое поражение».

Про Наполеона можно было сказать что угодно, но только не то, что он признал поражение. Он следил за новостями из Франции и отмечал недовольство реставрацией монархии. Повсеместно росла безработица, хлеб дорожал, и народ, с облегчением и радостью принявший отречение императора, теперь вспоминал его правление с сожалением. А раз так, Наполеон начал строить планы. Ему был оставлен крошечный флот – ничего такого, что могло бы угрожать стерегущим его британским и французским кораблям, – и в середине февраля 1815 года Наполеон приказал, чтобы бриг *Inconstant*, самый крупный из его кораблей, зашел в порт. «Отремонтируйте его медное дно, – распорядился он. – Устраните протечки и... раскрасьте его под английский бриг. Я хочу, чтобы 24-го или 25-го числа этого месяца он был готов и вышел в залив». Он приказал снарядить и два других больших корабля. Наполеону дозволялось держать на острове Эльба 1000 солдат, включая 400 ветеранов старой Императорской гвардии, и батальон польских улан. С этими-то войсками он и попытается войти во Францию.

А сэр Нил Кэмпбелл ничего не подозревал. Сэр Нил был человеком порядочным, в 1815 году ему исполнилось 35 лет, его успешная военная карьера едва не оборвалась годом раньше, когда его назначили военным атташе в русскую армию, вторгнувшуюся во Францию. Он пережил сражения в Испании, но при Фер-Шампенуазе какой-то слишком бравый казак принял его за французского офицера и по ошибке сильно ранил.

Раненый выжил и был поставлен британским уполномоченным при Его Императорском Величестве Наполеоне, правителе острова Эльба. Лорд Каслри подчеркивал, что сэр Нил не пленник императора, но приглядывать за Наполеоном – конечно же часть его работы. Так сэр Нил потерял бдительность и в феврале 1815 года, когда *Inconstant* маскировался под британский корабль, сказал императору, что должен отбыть в Италию, проконсультироваться у врача. Может, это и правда, но правда и то, что синьора Бартоли, возлюбленная сэра Нила, проживала в Ливорно, куда он направлялся.

Император пожелал сэру Нилу доброго пути и выразил надежду, что тот вернется к концу месяца, чтобы попасть на бал, который дает принцесса Боргезе. Сэр Нил пообещал приложить все усилия, чтобы успеть на него. Принцессой Боргезе была обольстительная сестра Наполеона, прекрасная Полина, которая присоединилась к брату в ссылке. Нужда заставила ее продать роскошный дом в Париже, его купило правительство Великобритании и использовало как здание посольства. Значит, на пять месяцев оно стало домом для герцога Веллингтона, назначенного послом Великобритании при дворе Людовика XVIII. Этот дом на улице Фобур Сент-Оноре по-настоящему великолепен, и в нем до сих пор располагается британское посольство.

Сэр Нил уплыл в Ливорно на бриге Королевского флота *Partridge*, который обычно стерег главную гавань острова. Как только *Partridge* ушел, Наполеон принялся воплощать свои планы в жизнь, и 26 февраля маленький флот, имевший на борту 1026 солдат, 40 лошадей и 2 пушки, отправился покорять Францию. Плавание продлилось два дня, и 28 февраля Наполеон вновь высадился во Франции. Он вел крошечную армию, но разве можно вообразить себе Наполеона без самоуверенности? «Я дойду до Парижа без единого выстрела», – заявил он своим солдатам.

Мир кончился, прерванный раскатом грома.

Зимой 1814/15 года многие парижские женщины носили фиолетовое. То была не мода, а скорее знак, говорящий о том, что фиалка расцветет весной. А фиалкой был Наполеон. Свадебный наряд его возлюбленной Жозефины украшали фиалки, и на каждую годовщину император посылал ей букет этих цветов. Перед ссылкой на остров Эльба он сказал, что будет скромнее, как фиалка. В Париже каждый знал, что означает фиолетовый цвет, и если поначалу французы

считали, что раз император сброшен с трона, значит, и долгой разрушительной войне конец, то вскоре многие пожалели об изгнанном императоре. Восстановленный монархический режим во главе с тучным, грузным Людовиком XVIII оказался грабительским и не нашел сочувствия в народе.

И вот фиалка расцвела. Многие ожидали, что королевская армия запросто разобьет смехотворно крошечный отряд Наполеона, но вместо этого войска короля массово перешли под знамена императора, а французские газеты в течение нескольких дней упражнялись в остроумии, описывая его триумфальное шествие. Вариантов много, но вот типичный пример того, как менялись заголовки:

- «Тигр покинул свое логово».
- «Людоед три дня в море».
- «Негодяй высадился во Фрежюсе».
- «Старикан подошел к Антибу».
- «Захватчик прибыл в Гренобль».
- «Тиран вошел в Лион».
- «Узурпатор замечен в пятидесяти милях [80 км] от Парижа».
- «Завтра Наполеон будет у наших ворот!»
- «Сегодня император проследует в Тюильри».
- «Завтра Его Императорское Величество обратится к своим подданным».

Его Императорскому Величеству Наполеону Бонапарту было 45 лет, когда он вошел во дворец Тюильри в Париже, и восторженные толпы приветствовали его возвращение. Они собрались за считанные часы. Король, толстяк Людовик XVIII, бежал из Парижа и направился в Гент, в Королевство Нидерланды. Ковер в покинутом тронном зале украшали вышитые короны. Кто-то из толпы, ожидавшей императора, от души пнул одну из корон. Нитки вылезли, под ними оказалась вытканная на ковре пчела, которую скрывала королевская вышивка. Пчела тоже считалась одним из символов Наполеона, и толпа попадала на колени, сдирая королевские короны и возвращая ковра императорский вид.

Это произошло вечером, перед прибытием Наполеона во дворец. Ожидающие могли слышать приветственные крики, которые раздавались все ближе. Затем стук копыт на переднем дворе. И вот уже самого императора внесли в аудиенц-зал. Очевидец тех событий вспоминал: «Глаза его были закрыты, а руки выставлены вперед, как у слепого, и лишь улыбка выдавала, насколько он счастлив».

И что за шествие это было! Оно началось не только от острова Эльба, но от не обещавшего ничего хорошего рождения Наполеона в 1769 году (в том же году родился и герцог Веллингтон). Он был наречен Набулион Буонапарте¹ – имя говорит о корсиканском происхождении императора. Его семейство претендовало на благородное происхождение, но обеднело, и молодой Набулион заигрывал с теми корсиканцами, что строили заговоры ради независимости от Франции. Он даже подумывал о службе в Королевском флоте Британии, которая была самым значительным врагом Франции. Вместо этого эмигрировал во Францию, офранцузил свое имя и поступил в армию. В 1792 году он стал лейтенантом, а год спустя, в возрасте 24 лет, – бригадным генералом.

Есть известная картина, на которой молодой Наполеон переходит перевал Сен-Бернар, на пути к Итальянской кампании, стремительно вознесшей его к славе. Картина Луи Давида изображает Наполеона на вздыбленной лошади. Все в этом полотне передает движение: лошадь

¹ Император был крещен и записан именем Наполеоне в честь святого Неаполеона, но в семье именовался Напулионе. В таком произношении это имя было в ходу на Корсике в то время, к тому же оно было традиционным для этой семьи. Впрочем, на острове допускались разные варианты произношения. Став императором, Бонапарт принял официальное написание «Набулиону» по-корсикански. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

дыбится, рот ее раскрыт, глаза навывкате, гриву растрепал ветер, фоном штормовое небо, а плащ генерала – словно знамя, выющееся по ветру. И посреди всего этого живописного безумия – спокойное лицо Наполеона. Оно кажется хмурым, насупленным, но прежде всего спокойным. Именно так он заказывал художнику, и Давид изобразил человека, который посреди хаоса чувствует себя как дома.

Человек, которого несли по лестнице в Тюильри, сильно изменился с тех лет, когда был юным героем и выглядел как рок-звезда. К 1814 году стройный молодой красавец превратился в пузатого, жидковолосого персонажа с землистым цветом лица и маленькими ручками и ножками. Невысокий, чуть более 170 сантиметров, он тем не менее завораживал. Этот человек вознесся над всей Европой, это был человек, который завоевал и потерял империю, перекроил карты, переделал конституцию, переписал законы Франции. Он был отменно образован, остроумен, легко разочаровывался и был на редкость мстителен. Мир не увидит ничего подобного до самого XX столетия, но, в отличие от Мао, Гитлера или Сталина, Наполеон не был кровавым тираном, хотя, как и они, стал человеком, изменившим историю.

Наполеон был превосходным управленцем, но не таким образом ему хотелось остаться в памяти людей. Прежде всего он был полководцем. Кумиром ему служил Александр Македонский. В середине XIX века во время Гражданской войны в Америке Роберт Э. Ли, великий генерал армии Конфедерации, наблюдая, как войска выполняют блестящий победоносный маневр, заметил: «Хорошо, что война так ужасна, а то можно было бы чересчур увлечься ею». Наполеон чересчур увлекся ею, он любил войну. Наверное, то была его первая любовь, она совмещала восторг крайнего риска и радость победы. Он обладал пронизательным умом великого стратега, даже после успешного наступления, когда враг уже отброшен, он требовал от своих людей колоссальных жертв. После Аустерлица, когда генералы пожаловались, что слишком много французов осталось лежать на замерзшем поле, император ответил, что парижанки возместят эти потери за одну ночь. Когда Клеменс Меттерних, мудрый австрийский министр иностранных дел, в 1813 году предложил Наполеону мир на почетных условиях и напомнил императору, что отказ будет стоить жизни многих людей, то получил презрительный ответ, что Наполеон ради достижения своих целей запросто пожертвует миллионом человек. Наполеон не жалел жизни своих солдат, но солдаты боготворили его, потому что он со всеми находил общий язык. Он знал, как говорить с ними, какие жесты делать, как их вдохновить. Солдаты могли его боготворить, а вот генералы боялись. Маршал Ожеро, ненавистный любитель муштры, говорил: «Этот генерал-недомерок всерьез пугает меня!» А генерал Вандам, жесткий человек, вспоминал, что «дрожал, как ребенок», когда подходил к Наполеону, но все же Наполеон вел всех их к славе. То был его наркотик, *la Gloire!*² В погоне за ней он рушил один мирный договор за другим, армии под штандартами с имперским орлом маршировали от Мадрида до Москвы, от Балтийского моря до Красного. Он потряс Европу победами под Аустерлицем и Фридрихсдорфом, но он же привел Великую армию к разгрому в русских снегах. Даже его поражения отличаются циклопическими масштабами.

А теперь ему снова предстояло выйти на марш, и он знал это. Он разослал мирных посланников в европейские государства с вестью, что вернулся во Францию по воле народа и не собирается ни на кого нападать, что если они примут его возвращение, то он будет жить с ними в мире. Он, конечно, знал, что ответом будет отказ.

Имперскому орлу снова пришла пора отправляться в полет.

Жизнь герцога Веллингтона оказалась в опасности. Назначение его на должность посла во Францию было, пожалуй, не самым удачным делом британского правительства, и Париж наполнился слухами о готовившихся покушениях. Лондонское правительство предложило герцогу уехать из Парижа, но он отказался, поскольку это выглядело бы трусостью. Потом под-

² Слава (фр.).

вернулся отличный повод. Лорд Каслри, секретарь Министерства иностранных дел и главный британский переговорщик на Венском конгрессе, срочно понадобился в Лондоне, и герцога назначили на его место. Никто не заподозрил бы в таком очевидном продвижении по службе позорного бегства от опасности. Так герцог присоединился к дипломатам, старательно пытавшимся перекроить карту Европы.

Но, пока они говорили, Наполеон сбежал.

Граф Меттерних, холодный, умный, изящный министр иностранных дел Австрии, был, наверное, самым влиятельным дипломатом в Вене. 6 марта 1815 года он лег спать очень поздно, потому что встреча депутатов продлилась до трех часов ночи. Граф сильно устал, поэтому дал прислуге указание не беспокоить его. Все же в шесть утра ему пришлось проснуться, оттого что прибыл курьер с депешей, помеченной словом «Срочно». Конверт был подписан: «От Имперского и Королевского Консульства Генуи». Вероятно, граф решил, что от такого мало-значительного консульства не может исходить никаких жизненно важных вестей. Он положил письмо на прикроватный столик и попытался снова уснуть. Наконец в 7:30 утра он сломал печать и прочитал депешу. Она оказалась очень короткой:

Английский уполномоченный Кэмпбелл только что прибыл в гавань с вопросом, не видел ли кто-нибудь в Генуе Наполеона, ввиду того что он исчез с острова Эльба. Ему ответили отрицательно, и английский фрегат незамедлительно ушел в море.

Может показаться странным, почему сэр Нил Кэмпбелл в поисках пропавшего Наполеона отправился в Италию, вместо того чтобы искать отставного императора во Франции. Однако в то время считалось, что если Наполеон высадится во Франции, то тут же будет схвачен силами роялистов. «Никто о Франции и слышать не хотел, – вспоминал герцог Веллингтон. – Все были уверены, что стоит ему появиться во Франции, как его растерзает толпа. Я очень хорошо помню слова Талейрана: “Во Франции? Нет!”»

Гораздо более вероятной казалась высадка в Италии, где королем Неаполя был зять Наполеона, Иоахим Мюрат. Мюрат, севший на престол по милости Наполеона, заключил мир с австрийцами, но понимал, что Венский конгресс почти наверняка ликвидирует его крохотное королевство. Едва он услышал о побеге Наполеона, как тут же напал на австрийцев, но эта авантюра с треском провалилась и лишь привела его под прицел расстрельной команды.

Наполеон конечно же направился во Францию, но несколько дней дипломаты в Вене не имели представления, где он, знали только, что на свободе. Конгресс, который так долго колебался, тянул время, устраивал балы и дебаты, внезапно проявил решительность. «Войну, – вспоминал Меттерних, – объявили меньше чем за час». Такая расторопность стала возможной, потому что полномочные представители почти всех заинтересованных сторон уже были собраны в Вене. Король Пруссии, австрийский император, русский император – все были здесь, и появление Наполеона словно гальванизировало конгресс. Никто не объявлял войну Франции, поскольку все собравшиеся в Вене державы были заинтересованы в монархической Франции под управлением Людовика XVIII. Взамен объявили войну всего одному человеку – Наполеону.

Четыре страны: Россия, Пруссия, Австрия и Великобритания – договорились снарядить армии, по 150 000 человек каждая, и стянуть эти армии во Францию. Великобритания не могла собрать такую большую армию, поэтому она обязалась выплатить субсидии остальным трем странам. Теперь по всей Европе сновали курьеры, и один из них вез письмо герцогу Веллингтону от лорда Каслри: «Ваша светлость может решить, где Ваше присутствие наиболее послужит общественному благу – остаться ли Вам в Вене или возглавить армию во Фландрии».

Русский император Александр I не сомневался в том, какой выбор сделает герцог. «Вам выбирать, – сказал он герцогу, – спасти ли мир снова».

Вряд ли герцог долго раздумывал, скорее подобные высокопарные заявления звучали подозрительно. Едва ли ему трудно было решить, где он принесет больше пользы обществу. Он ответил лондонскому правительству: «Я отправляюсь в Нижние Земли, чтобы принять командование армией». И в конце марта покинул Вену, а к 6 апреля прибыл в Брюссель.

История редко предлагает нам такое удивительное противостояние. Два величайших воина эпохи, два человека, ни разу не сражавшихся между собой, собирали армии в 300 километрах одна от другой. Победитель мира находился в Париже, а победитель победителя мира – в Брюсселе.

Знал ли Наполеон, что Веллингтона прочат на роль его победителя? Дипломаты крайне осторожны в подобных высказываниях, и скорее всего, даже наверняка Наполеону сказали об этом нелепом замечании. Это должно было его взбесить. Подобное звание еще требовалось доказать.

Так что армии собирались.

Когда Наполеон вернулся, во Франции царило смятение. Кто правит? Кто должен править? На протяжении нескольких дней никто точно не знал, что происходит. Полковник Жиро де л'Эн был одним из многих офицеров, сражавшихся за Наполеона. С реставрацией монархии ему пришлось уйти в отставку на половинный пансион. Полковник женился, но мечтал поскорее вновь присоединиться к армии императора. Жил он во Французских Альпах, но решил, что должен поехать в Париж.

Всю страну охватил беспорядок. Я ехал в униформе, но из предосторожности захватил с собой две кокарды – одну белую, другую трехцветную. Подъезжая к городу или деревне, я смотрел, какой флаг развевается над часовой башней, и такого же цвета кокардой быстро украшал свою шляпу.

Полковник Жиро де л'Эн добрался до Парижа и обнаружил, что его прежний командир полка уже присягнул Наполеону, как и почти вся королевская армия, несмотря на клятву, которую они давали Людовику XVIII. Может, офицеры и остались бы верны королевской клятве, но простые люди думали иначе. Граф Альфред-Арман де Сен-Шаман, командовавший 7-м полком конных егерей, как только услышал о возвращении Наполеона, обратился к своему полку с приказом о готовности выступить: «Думаю, мы отправимся воевать с бывшим императором». Однако у его батальона нашлись другие задачи.

Кто-то сказал мне, что несколько офицеров собрались в кафе и договорились забрать своих людей, чтобы присоединиться к легкой пехоте Императорской гвардии. Другие готовили трехцветные флаги, чтобы раздавать их людям и подстрекать к мятежу... Я начал понимать истинное положение дел и то, что я остался в меньшинстве. Что я мог поделать? Все надежды на то, что я предоставлю королю прекрасный и послушный полк, чтобы поддержать трон в этот трудный час, оказались разбиты.

Преданность французской армии Людовику XVIII испарилась в один момент, принеся Наполеону 200 000 человек. Тысячи ветеранов, таких как полковник де л'Эн, пришли сами, но Наполеон знал, что для защиты от врагов, которые непременно явятся, ему нужна армия еще большая. Одной из немногих популярных мер Людовика XVIII был отказ от воинской повинности. Наполеон поспешил вернуть повинность, хоть и знал, как люди ее ненавидят, но выбора у него не оставалось. Так он получил еще 100 000 человек, которых, правда, нужно было еще обучить и снарядить. Тогда император учредил национальную гвардию, местная милиция дала ему еще 150 000 человек, но этого все еще было недостаточно. Он знал, что союзники соберут более полумиллиона человек, чтобы напасть на него.

В эти первые недели Франция начала яростную подготовку. Реквизировались лошади, готовилась униформа, чинилось оружие. И тут Наполеон показал себя гениальным руководителем: в начале лета одна его армия уже была готова выступить, а остальные разместились для защиты границ Франции. Чтобы выдержать резню, которая – он знал это – неумолимо приближалась, требовалось еще больше людей. Также требовались люди для подавления роялистского мятежа в Вандее, области на западе Франции, которая всегда была католической и монархической. Итак, к началу лета Наполеон собрал 360 000 обученных солдат, большинству из которых суждено было собраться на севере Франции, где 125 000 опытных солдат образовали Северную армию.

Наполеон мог в то лето оставаться в обороне, расположив большую часть своих сил за мощными укреплениями и надеясь, что армии союзников разобьются об них. Этого не произошло. Тогда война велась бы на французской земле, а Наполеон никогда не стремился к пассивной позиции. Его сильной стороной был маневр. В 1814 году пред ним оказались превосходящие силы Пруссии, Австрии и России, идущие на Париж с севера и востока, и он переиграл их, благодаря скорости переходов и внезапности атак. Профессиональные военные считают эту кампанию Наполеона самой блестящей, хоть она и закончилась поражением, а герцог Веллингтон тщательно изучил ее. Сам Наполеон заявлял:

Искусство войны не требует сложных маневров. Простейший и есть наилучший, а главное – здравый смысл. Отсюда понятно, почему генералы совершают ошибки – потому что они мудрствуют. Самое трудное – разгадать план врага, среди массы донесений отыскать правду. Остальное требует главным образом здравого смысла. Это как в кулачном бою: чем больше бьешь, тем лучше.

Император кривил душой. Война никогда не была настолько простой, но сущность его стратегии действительно проста. Разделить противников, одного пришпилить к месту, второго мощно атаковать, и как в кулачном бою – чем сильнее ударишь, тем быстрее получишь результат. В 1815 году лучшей защитой Наполеона было нападение, и первым следовало атаковать, конечно, ближайшего.

Могучей русской армии требовалось время, чтобы пересечь Европу до границ Франции. Австрийцы в мае еще не были готовы, но у самой северной границы Франции, в бывшей провинции Бельгии, которая теперь стала частью Королевства Нидерланды, собирались две армии: британская и прусская. Наполеон посчитал, что если разобьет эти две армии, то другие противники поостудят свои головы. Если он победит Веллингтона и сбросит британцев обратно в море, то в Лондоне может даже смениться правительство, к власти придут виги, а они будут рады видеть его во главе Франции. Тогда вражеский альянс развалится. Конечно, это риск, подобный игре в рулетку, но ведь и вся война такова. Конечно, можно ждать, собирать и обучать войска, пока французская армия не достигнет величины войска союзников, но эти две армии на севере были такими соблазнительными! Если их можно разделить, значит, их можно разбить, а если их можно разбить, значит, вражеский союз может рассыпаться. Такое уже случилось прежде, так почему не случится сейчас?

Армия, которую он направил на север, была хороша и состояла из опытных военных. И если у нее были слабые места, то это высшее командование. Наполеон всегда зависел от своих маршалов, но из 20 еще живых маршалов четверо остались верны Людовику XVIII, четверо дезертировали к союзникам, а двое просто скрывались. Один из этих двоих, маршал Бертье, служил у Наполеона начальником штаба и был гениальным организатором. Он бежал в Баварию, где 1 июня выпал из окна третьего этажа поместья в Бамберге и разбился насмерть. Некоторые подозревали убийство, но большинство сходилось на том, что маршал слишком сильно высунулся из окна, чтобы поглядеть, как русская кавалерия проходит внизу, по площади. На

посту начальника штаба его сменил Николя Жан де Дьё Сульт, очень опытный воин, начинавший карьеру с рядового солдата. Наполеон однажды назвал его величайшим комбинатором Европы, но, когда Сульт командовал войсками в Испании, оказалось, что Веллингтон постоянно его переигрывает. Он был сложным человеком, заносчивым и вздорным, а вот обладал ли организаторским талантом, как Бертье, – нам предстоит узнать.

Два самых блестящих императорских маршала, Даву и Сюше, не сопровождали Северную армию. Даву, мрачный и непреклонный воин, был назначен военным министром и остался в Париже. Сюше отправился командовать Альпийской армией (громкое название для маленького, скудно экипированного боевого подразделения). Когда Наполеона просили назвать лучших из его генералов, он назвал Андре Массена и Луи-Габриэля Сюше, но Массена был нездоров, а Сюше остался защищать восточную границу Франции от нападения австрийцев.

Для предстоящей кампании Наполеон создал еще одну должность маршала, им стал маркиз Эммануэль де Груши. Даву возражал против этого назначения, но Наполеон настоял на нем. Груши был аристократом старого режима, ему посчастливилось пережить бойню Французской революции. Свою карьеру он сделал в кавалерии, а теперь ему отдавалась под командование третья часть Северной армии.

Маршал, которого называли храбрейшим из храбрых, вспыльчивый и грозный Мишель Ней, который, как и Сульт, начал свою службу с рядового, пламенный, огненно-рыжий и задорный, был сыном бондаря. В 1815 году ему исполнилось сорок шесть, примерно в том же возрасте находились и Наполеон, и Веллингтон. Ней заработал свою репутацию в самых кровавых сражениях долгой войны. В его храбрости не сомневался никто. Он был солдатом из солдат, человеком, который, едва Наполеон бежал с острова Эльба, хвастливо пообещал Людовику XVIII доставить императора в Париж в железной клетке. А потом дезертировал вместе со своим войском. Он прославился невероятной смелостью и умением вести за собой, но никто не назвал бы Нея умеющим принимать решения хладнокровно. Как назло, Сульт не переносил Нея, а Ней не переносил Сульта, но в это роковое лето им предстояло работать вместе.

Маршалы важны, но важнее всех начальник штаба, это он переводит волю императора на язык рутинных строевых команд. Бертье был блестящим администратором, умел заранее видеть проблемы и эффективно сортировать их по важности. Вскоре станет понятно, сможет ли маршал Сульт так же хорошо организовать свыше 100 тысяч человек, накормить их, переместить и отправить в бой, согласно воле императора. Остальные маршалы едва ли годились для самостоятельного командования. Если император избрал тактику прищипливания одной вражеской армии, чтобы удержать ее на месте, пока он громит другую, значит, прищипливанием должен заниматься маршал. В начале военных действий это была работа маршала Нея – занимать Веллингтона, пока Наполеон сражается с пруссаками. А через два дня маршалу Груши следовало беспокоить пруссаков, пока Наполеон бьет людей Веллингтона. Такого не осуществить, просто исполняя приказы, здесь нужна солдатская смекалка. От маршала требовалась способность принимать трудные решения, и Наполеон доверил это Груши – новичку в высоком звании, боявшемуся ошибиться – и Нею, который знал лишь один стиль боя – сражаться как дьявол.

Армии севера предстояло встретиться в Бельгии с двумя армиями, наибольшей из которых была прусская. Ее вел 72-летний князь Гебхард Леберехт фон Блюхер, который сперва сражался за шведов против Пруссии, но потом попал в плен и перешел в прусскую армию Фридриха Великого. Он был очень опытным воином, гусаром, его прозвали *Marschall Vorwärts*, «Маршал Вперед», за привычку выкрикивать этот приказ, посылая людей в атаку. Его уважали и любили солдаты, хотя, говорят, с ним случались припадки психической болезни, когда он полагал, что забеременел слоном от французского пехотинца. Летом 1815 года никаких следов сумасшествия не наблюдалось. Напротив, Блюхер шествовал, пребывая в фанатичной решимости одолеть Наполеона. Он был прямодушным, отважным, пусть не самым мудрым из гене-

ралов, зато отлично умел подбирать себе в штаб офицеров. В 1815 году начальником его штаба служил Аугуст фон Гнейзенау, человек очень способный и многоопытный, один из тех, что сражались вместе с британцами во времена американской Революции. Это подорвало в его глазах репутацию британской армии, и он крайне подозрительно относился к способностям и планам британцев. Когда барона фон Мюффлинга направили к Веллингтону в должности офицера связи, его вызвал Гнейзенау и рекомендовал «быть чрезвычайно осторожным с этим герцогом Веллингтоном, потому что в Индии он имел дела с вероломными набобами³; этому выдающемуся генералу пришлось научиться двуличию, и он достиг такого мастерства в этом искусстве, что превзошел самих набобов».

Можно только предполагать, откуда у Гнейзенау сложилось столь странное мнение, но полномочия Гнейзенау и внимательное отношение Блюхера к его советам вряд ли сулили хорошие отношения между Великобританией и Пруссией в будущем. В любом случае между этими государствами сохранялось недоверие после попыток Пруссии аннексировать Саксонию – разногласия по данному вопросу расстроили Венский конгресс. Британцы, французы и австрийцы настолько категорично сопротивлялись усилению Пруссии, что скорее были готовы воевать, чем разрешить аннексию. У России были подобные планы на всю Польшу целиком, и в какой-то момент казалось, что в Европе готова вспыхнуть новая война, где Россия и Пруссия будут биться против всех. До войны не дошло, но скверный осадок остался.

А теперь прусская армия, необстрелянная, находилась в Бельгийской провинции. Пруссия пережила поражение, оккупацию, реорганизацию и, наконец, после отречения Наполеона в 1814 году, демобилизацию. В подчинении у Блюхера имелись и добрые, опытные солдаты, но их не хватало, и остальную часть армии укомплектовывали из добровольцев и ландвера, милиции. В 1815 году призыв к оружию встречали с энтузиазмом. Когда Франц Либер услышал этот призыв, ему едва исполнилось 17. Вместе с братом они направились в Берлин и обнаружили там «стол, установленный посреди площади... за которым несколько офицеров регистрировали тех, кто хотел записаться»: «Толпа была столь велика, что нам пришлось прождать с десяти до часу, пока появилась возможность занести в список наши имена».

Он писал, что его полк в начале мая проходил месячную подготовку, а затем направился в Нидерланды для соединения с войсками Блюхера. Либер с удивлением обнаружил, что одним из сержантов в его полку оказалась женщина и она столь отличилась в боях, что получила три медали за отвагу. Таким образом, к лету 1815 года под началом Блюхера оказались 121 000 воинов и по крайней мере одна воительница. На бумаге эта армия выглядит огромной, но, как писал Петер Хофшрёер, историк, очень симпатизирующий Пруссии, «значительная часть сил Блюхера состояла из новобранцев, способных выполнить только два маневра: наступать в беспорядке или отступать в хаосе». Сказано остроумно, но оказалось, что новобранцы способны также и сражаться. Осталось лишь узнать, сможет ли Гнейзенау преодолеть англофобию и действовать совместно с армией, которая собиралась у него на правом фланге.

То была британо-голландская армия под предводительством герцога Веллингтона, которую герцог очернил как «бесславную армию». Такой она и была, когда он только прибыл в Брюссель. Армия оставалась недоукомплектованной, голландские полки в большой степени состояли из франкоговорящих солдат бельгийской провинции. Герцог не доверял этим войскам – в них служило множество ветеранов Наполеоновской армии. Франкоговорящие бельгийцы были недовольны тем, что их землю превратили в провинцию Нидерландов, и император знал об этом недовольстве. Через французскую границу передавались листовки и распространялись среди бельгийских солдат армии герцога. «Храбрым солдатам, – вешали листовки, – которые побеждали под французскими орлами. Орлы, что вели нас к победе, взлетели вновь. Их клич все тот же: слава и свобода!» Герцог сомневался в надежности этих полков и принял

³ *Набобы* – в Индии так называли местных князей, подчинявшихся британскому правительству в качестве вассалов.

меры предосторожности, разделив их и рассредоточив среди батальонов, в верности которых сомнений не возникало.

Опору составляли британские войска или 6000 человек Королевского германского легиона (КГЛ), соединения, которое отважно сражалось за герцога всю долгую Пиренейскую войну. Легион был собран в Ганновере и подчинялся королю Великобритании, а в 1815 году Ганновер отправил в армию Веллингтона еще 16 000 человек. Эти 16 000 необстрелянных тоже рассредоточили, как и голландскую армию, в батальоны британцев и КГЛ. Такое решение далось нелегко. Карл Якоби из 1-й Ганноверской бригады жаловался:

Это был тяжелый удар по нашей морали... Английские генералы совершенно не знали традиций ганноверцев... В их глазах всякий был ненадежен, кто не соблюдал английских устоев и норм, даже если старался. Товарищеского духа в таких союзных войсках не было, в том числе среди офицеров. Неприятие чужого языка с обеих сторон и большая разница в жалованье, приводившая к очень разному уровню жизни, препятствовали сближению. Даже наши соотечественники из Королевского германского легиона не водились с нами. Пятнадцатилетний новобранец в красном кушаке глядел на старого ганноверского офицера свысока.

К лету, когда началась война, у Веллингтона было около 16 000 ганноверцев и до 6000 человек Королевского германского легиона. Голландская армия, часть «бесславной армии», насчитывала почти 40 000 человек, половину из которых составляли франкоязычные и, следовательно, ненадежные. Остальную часть армии составляли британцы – около 30 000 человек, а герцог хотел бы, чтобы их было побольше.

Но британцы уже отвоевали с Соединенными Штатами, и многие из лучших полков, ветераны побед Веллингтона, в тот момент как раз пересекали Атлантику. Они возвращались, и некоторых прямо из Америки направляли в Нидерланды. Герцог чувствовал бы себя более уверенно, если бы у него была его Пиренейская армия – одна из лучших армий, когда-либо воевавших под британскими знаменами. За несколько недель до Ватерлоо герцог прогуливался в парке Брюсселя с Томасом Гриви, депутатом британского парламента, который весьма обеспокоенно расспрашивал Веллингтона о предстоящей кампании. Британский пехотинец в красном мундире разглядывал статуи в парке, и герцог указал на него. «Вот, – сказал он, – все зависит от этого пункта, получится у нас или нет. Если дадите мне достаточное количество таких, как он, я буду уверен в успехе».

«Таких» в итоге оказалось достаточно. Чуть более 20 000 британских пехотинцев отправили воевать под Ватерлоо, им предстояло выдержать весь напор императорских атак. Императора предупреждали об этих солдатах в красном, говорили, насколько они тверды. Генерал Рей заявлял Наполеону, что британская пехота непоколебима, Сульт утверждал, что «в открытом бою английская пехота – сущие дьяволы». Так оно и было. Императору никогда прежде не доводилось с ними сражаться, и он предупреждениям не внял, зато Веллингтон знал о надежности этих солдат, как и о надежности Королевского британского легиона. Через четыре года после битвы, проходя по полю Ватерлоо, герцог вспоминал: «У меня было всего около 35 000 человек, на которых можно было положиться. Остальные могли разбежаться в любой момент».

У герцога было 22 британских батальона, 15 из которых сражались с ним в Испании или Португалии. И всё. И даже эти проверенные в битве войска были разбавлены, как и прусские полки, новыми рекрутами. Одним из крупнейших и лучших при Ватерлоо считался 52-й Оксфордский батальон легкой пехоты, который более-менее постоянно находился в боевых действиях с 1806 года до самого отречения Наполеона. При Ватерлоо этот батальон насчитывал 1079 человек, но 558 из них примкнуло к батальону после предыдущего сражения. Та же кар-

тина наблюдалась в гвардейской дивизии. Прапорщик Роберт Бэтти⁴ из 1-го батальона гвардейской пехоты утверждал, что дивизия переполнена «молодыми солдатами и волонтерами из ополчения, ни разу не попадавшими под обстрел».

Зато старые кадры, ветераны, служили примером твердости. Фредерик Мейнуоринг служил лейтенантом 51-го Йоркширского батальона, сражавшегося при Корунне, Фуэнтес-де-Оньоро, Саламанке, Витории, в Пиренеях и Южной Франции. Когда новости о возвращении Наполеона долетели до Великобритании, батальон стоял в Портсмуте. Мейнуоринг вспоминал:

Меня усадили за стол с двумя или тремя офицерами, вошел горнист с письмами и, как обычно, положил на обеденный стол газеты. Кто-то их раскрыл, пробежал глазами по заголовкам, внезапно посветлел лицом, подбросил, как сумасшедший, газеты в воздух и закричал: «Славные вести! Нап снова высадился во Франции, ура!» В один миг началось общее ликование... «Нап снова во Франции» несло, как пожар, по всем казармам... Люди выскакивали наружу и кричали... Мы радовались безмерно!

Капитан Кавалье Мерсе командовал отрядом Королевской конной артиллерии в Колчестере, когда пришла эта весть, и он описывает ту же историю, что и лейтенант Мейнуоринг. Приказ собираться в поход был «получен к нескрываемой радости офицеров и солдат, все стремились навстречу опасности и кровопролитию, все надеялись заслужить славу и почести».

Во французских и прусских войсках наблюдалась та же картина. Нетерпеливые добровольцы стекались под прусские знамена, а во Франции солдаты пришли в восторг от возвращения императора. Многие побывали военнопленными в страшных британских тюрьмах на Дартмуре или в зловонных остовах кораблей, стоявших без оснастки на вечном якоре. Теперь они жаждали мести. Они хотели славы. Капитан Пьер Кардрон, пехотный офицер, описал сцену, которая снова и снова повторялась по всей Франции. Его полк принес присягу королю, но после возвращения Наполеона полковник созвал всех своих офицеров. Они стояли в два ряда, «спрашивая друг друга, что происходит? Что там? Наконец все забеспокоились». И вот появился полковник.

В руках он держал – что? Не догадаетесь и за сто лет... Наш орел, под которым мы столько раз шли к победе и который наш храбрый полковник прятал, зашив в свой матрац... При виде драгоценного штандарта раздались крики: «Да здравствует Император!» Солдаты и офицеры хотели не просто увидеть его, но потрогать, прижать к груди. У всех в глазах стояли слезы радости... мы обещали умереть под нашим орлом за нашу страну и Наполеона.

⁴ Роберт Бэтти стал впоследствии известным художником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.